
ХАРРИЕТТ ЭШБРУК
УБИЙСТВО СТИВЕНА КЕСТЕРА
ЛОНГ-АЙЛЕНД
1931

Харриетт Эшбрук

Убийство Стивена Кестера

«Автор»
2026

Эшбрук Х.

Убийство Стивена Кестера / Х. Эшбрук — «Автор», 2026

Впервые на русском языке! Второе дело знаменитой серии американского «Золотого века детектива» о сыщике-денди Спайке Трейси.В роскошном загородном поместье «Лонг-Хиллз» на Лонг-Айленде собралась веселая молодежная компания. Однако идиллию нарушает неожиданный визит угрюмого незнакомца, а вскоре хозяин дома — шестидесятидевятилетний миллионер Стивен Кестер — найден застреленным в собственном кабинете.Под подозрением оказываются все: прекрасная внучка убитого Дженнифер, ее вспыльчивый возлюбленный, гости и слуги. Местная полиция и окружной прокурор Фокскрофт топчутся на месте. К счастью, среди гостей случайно оказывается Филип «Спайк» Трейси — легкомысленный с виду повеса, уже раскрывший прогремевшее на всю Америку «убийство Сесили Тейн».Блестящий образчик классического детектива 1931 года — остроумный, динамичный, с неожиданными поворотами и атмосферой Америки эпохи джаза. Для поклонников Рекса Стаута, Агаты Кристи и П. Г. Вудхауса.

© Эшбрук Х., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава I 5
Глава II 11
Глава III 16
Глава IV 21
Глава V 27
Глава VI 31
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Харриетт Эшбрук
Убийство Стивена Кестера

Глава I
Появление незнакомца

Двадцать восьмого мая во втором составе экспресса «Двадцатый век», следовавшего из Нью-Йорка в Чикаго, в купе сидел человек. Ссутулившись, он тяжело навалился правым плечом на окно и неловко вытянул ноги. Это был высокий — почти шести футов ростом — костлявый мужчина; синева на чисто выбритых щеках лишь резче оттеняла болезненную, изможденную бледность его лица. Углы рта обрамляли две глубокие складки, а глубоко посаженные глаза под тронутыми сединой бровями глядели потухше — словно насмотрелись на людское безумие и смертельно от него устали.

Время от времени он поворачивал голову к окну, покашливал или нетерпеливо косился на дверь, ведущую в коридор. Наконец дверь отворилась, и вошел кондуктор проверить билет.

— Неблизкий путь вам предстоит, — заметил он, взглянув на протянутую ему длинную бумажную ленту.

Пассажир кивнул и едва слышно вздохнул, точно сама мысль о предстоящей дороге утомляла его.

— Да, доберусь до Сан-Франциско только во вторник. Мне придется менять вокзал в Чикаго?

— Придется, раз дальше вы едете Бёрлингтонской дорогой. Автобус «Пармали» довезет вас до Юнион-Стейшн.

Когда кондуктор вышел, мужчина снова привычно ссутулился, потянулся за журналом и принялся лениво перелистывать страницы: взглянет на картинку, пробежит глазами абзац и листает дальше. Но вдруг взгляд его замер, и он медленно подался вперед, как человек, нежданно наткнувшийся на что-то крайне любопытное.

«Мисс Дженнифер Винтон, внучка Стивена Кестера, которая в числе прочих дебютанток официально выйдет в свет в начале осени».

Подпись под фотографией была набрана мелким курсивом. Несколько мгновений мужчина не отрываясь смотрел на нее. Потом черты его лица разгладились и обмякли, взгляд стал пустым и отсутствующим — так бывает, когда человек уносится мыслями далеко от настоящего, в мир смутных воспоминаний и полузабытых обрывков прошлого. Он медленно перевел глаза с фотографии в дальний угол купе и просидел так, не шевелясь, почти пять минут. Наконец он снова посмотрел на снимок, и лицо его исказила медленная усмешка, полная горькой иронии и боли, какую причиняет давняя, глубокая, незаживающая рана.

Затем, словно повинуясь внезапному решению, он быстро нажал кнопку звонка, вызывая проводника, а когда в купе заглянуло черное лицо, спросил:

— Мы останавливаемся в Олбани?

— Так точно, сэр!

— А когда оттуда ближайший поезд обратно в Нью-Йорк?

— О, сэр, поезда между Нью-Йорком и Олбани ходят каждые два-три часа.

— Проследите, чтобы мой багаж там выгрузили. Я схожу.

* * *

По Санрайз-трейл — шоссе, пересекающему весь Лонг-Айленд, — в сверкающем низкопосаженном родстере мчались на восток двое: юноша и девушка. За рулем сидела девушка. Она была молода и хороша той дивной свежестью, какую дарят безупречный уход за собой и цветущее здоровье. Ее спутник тоже был молод — совсем еще мальчишка, лет двадцати или двадцати одного, — но в нем не было и следа ее свежести. Весь он как-то устало сник, словно мелкий клерк в конце знойного дня. Воротничок его слегка помялся, а под утомленными серыми глазами залегли слабые тени. И все же, несмотря на юность, в его лице сквозила какая-то жесткость, а подбородок выдавался вперед с упрямой решимостью.

Они яростно ссорились.

— Надо полагать, — язвительно произнес он, — мне следует сыграть благородного, жертвенного героя из кино: заявить, что я тебя не достоин, что не смею просить тебя разделить мою нищету, а затем красиво исчезнуть из кадра?

— Ты прекрасно знаешь, черт побери, что я совсем не об этом! — огрызнулась она и в сердцах так крутанула руль, что машина едва не слетела в кювет. — Я просто пытаюсь образумить тебя.

— Образумить, черта с два! Скажи прямо: ты пытаешься сделать из меня презренного альфонса. А что, если образумиться попробуешь ты? Возьмешь да и выйдешь за меня сегодня же вечером, а дедушке своему скажешь, чтобы катился ко всем чертям. Снимем квартирку в Бронксе за сорок долларов в месяц и станем жить на то, что я заработаю. Ты будешь готовить и вести хозяйство — и хоть раз в жизни принесешь пользу.

Она посмотрела на него не с гневом — с жалостью к его непонятливости.

— Послушай, Клифф, для тебя это, может, и рай, но для меня — сущий ад.

— Да что в этом плохого? Миллионы женщин живут так изо дня в день, и ты ничем не лучше их.

— Я хуже! — горячо выпалила она. — В том-то все и дело! Беда лишь в том, что я это понимаю, а ты нет. Тебя угораздило сдуру в меня влюбиться, и ты вообразил, будто у меня хватит духу хоть раз в жизни встать на собственные ноги, сделаться настоящей женщиной, а не гнусной приживалкой. Что ж, я-то знаю, что не хватит. Я отлично знаю, как малодушно сдамся в первый же раз, когда мне приглянется платье, а купить его будет не на что. У меня всю жизнь водились деньги, и я слишком ленивая, эгоистичная тварь, чтобы без них обходиться. Не пройдет и полугода, как мы с тобой начнем грызться как черти.

— Ну, то, чем мы заняты сейчас, я бы тоже воркованием голубков не назвал.

— Если бы ты только дал мне время, я бы его образумила.

— Послушай, Джен, да будь у тебя в запасе хоть целая вечность, твой дед ни за что на свете не примет меня в мужья своей внучке. Мой отец был бакалейщиком, мать — дочкой хозяйки пансиона, а сам я, чтобы оплатить учебу на юридическом, прислуживал за столиками и держал луковую ферму. Этот старый чванливый гриф никогда не даст согласия на наш брак. Вспомни, как он поступил с твоей матерью.

Гнев разом сбежал с лица девушки, и она порывисто потянулась к его руке. Голос ее зазвучал тихо и сдержанно:

— Именно об этом я все время и думаю, Клифф.

— Ох, Дженнифер, Дженнифер!.. — его злость тоже улетучилась; он сжал ее ладонь в своих и, наклонившись вперед, принялся целовать снова и снова.

* * *

Природа-мать немало потрудилась, чтобы придать Стивену Кестеру облик истинного аристократа, и потрудилась на славу. Напиши его маслом да повесь в золоченой раме над камином в гостиной — вышел бы безупречный портрет благородного предка.

Ростом чуть ниже шести футов, несмотря на свои шестьдесят девять лет, он держался прямо и молодцевато; голову его венчала густая серебряно-белая шевелюра, а подбородок украшала небольшая, коротко подстриженная эспаньолка. В очертаниях рта сквозило легкое высокомерие, в подбородке — неукротимая энергия, а во взгляде таилась странная загадочность. Стивен Кестер умел смотреть на человека так, что тот ни за что бы не догадался, чего ждать в следующую секунду: окрика «Голову с плеч!» или учтивого «К вашим услугам, милорд».

Словом, джентльмен самой что ни на есть аристократической наружности. Одно лишь портило его облик днем двадцать девятого мая: грубая соломенная шляпа, какие носят фермеры в глухой глубинке, и невероятно перепачканный балахон вроде рабочей блузы французского крестьянина сводили на нет все старания природы.

Стивен Кестер трудился в своем цветнике: то щелкнет большими железными садовыми ножницами, то остановится взрыхлить землю вокруг нежного побега, то подозрительно прищурится, высматривая букашек. При этом он совершенно не замечал, с каким подозрением взирает на него самого настоящий садовник, застывший поодаль на почтительном, но полном тревоги расстоянии.

Рори Мейо никак не мог свыкнуться с мыслью, что хозяина дома можно безбоязненно выпускать на волю среди его драгоценных цветов. По праву человека, взрастившего их, он считал растения своими, хотя по закону они, разумеется, принадлежали Стивену Кестеру. К тому же Рори полагал, что хозяину не пристало возиться с черной работой. Даже десять лет, на протяжении которых тот неизменно предавался этому очаровательному дилетантству, не убедили садовника в пристойности подобного занятия.

Поэтому Рори вздохнул с облегчением, когда Кестер наконец подозвал его, вручил садовые ножницы и дал понять, что по крайней мере на сегодня оставит растения в покое. Хозяин разогнул спину и неспешно зашагал к дому — в Лонг-Хиллз, прозванный так за раскинувшиеся вокруг широкие отлогие холмы. На языке местных торговцев недвижимостью поместье именовалось одной из «достопримечательностей Лонг-Айленда». Загвоздка заключалась лишь в том, что полюбоваться этой достопримечательностью можно было только по личному приглашению владельца — ну или заочно, разглядывая фотографии в журналах «Спёр» и «Таун энд кантри».

За десять лет до начала нашего рассказа Стивен Кестер закрыл свою контору на Нассо-стрит и удалился на покой в загородное имение, чтобы занять подобающее ему по праву положение поместного аристократа. Изредка он выбирался на автомобиле в Нью-Йорк — побывать в театре. Раз в году посещал выставку цветов, чтобы всласть потешить самолюбие, глядя на медали и ленты, присужденные питомцам оранжерей Лонг-Хиллз. И уж совсем редко встречался за ленчем со старыми друзьями в клубе «Юнион-Лиг».

Но большую часть времени он проводил в тишине Лонг-Хиллз, раз или два в месяц приглашая к обеду лишь близких друзей и держа праздных зевак-автомобилистов на расстоянии более полумили — за массивной каменной стеной, отделявшей его владения от шоссе.

Однако в последние два месяца гравий подъездной дороги, сворачивавшей с шоссе, все чаще и чаще хрустел под колесами автомобилей, набитых молодежью. Домой вернулась Дженнифер.

Хотя Стивен Кестер уже четырнадцать лет числился официальным опекуном внучки, знал он ее мало. Девочку привезли к нему трех лет от роду из далекого городка на Западе, где умерли ее родители — дочь Кестера и зять. Пока она была совсем крохой и маленькой девочкой, Кестер с головой ушел в коммерцию, так что на роль деда времени у него почти не оставалось. Сам он жил в городе, а внучка — в поместье, на попечении сменявших друг друга гувернанток и доброй, души в ней не чаявшей няни Доры.

Когда Дженнифер подросла, ее стали отправлять на зиму в закрытый пансион, а на лето — в лагерь. На Пасху и Рождество она исправно навещала деда, он столь же исправно одаривал ее множеством дорогих, но невпопад выбранных подарков, и оба вздыхали с облегчением, когда наступала пора возвращаться в пансион или в лагерь. Он не испытывал особой любви к детям, а она, судя по всему, не питала слабости к пожилым джентльменам, так что сложившиеся между ними отношения вполне устраивали обоих.

По окончании пансиона дед осторожно намекнул, что неплохо бы ей поступить в колледж, но внучка недвусмысленно дала понять, что высшее образование в ее планы не входит. И он уступил ее просьбе — как уступал любым просьбам, требовавшим от него лишь денежных трат, — отпустив Дженнифер на два года за границу в компании сверстниц под присмотром наставницы из привилегированного пансиона.

Ее возвращение в Америку в семнадцать лет заметно переменило его отношение к ней. За два года нескладный пятнадцатилетний подросток превратился в юную девушку, щедро наделенную красотой и, когда ей того хотелось, светским изяществом.

В душе его шевельнулась гордость за ее красоту, а в ее независимом нраве ему приятно было узнавать собственные черты. Правда, порою эта самая независимость проявлялась совсем не так, как ему бы хотелось, но тут он винил только себя. Надо было раньше браться за ее воспитание. Впрочем, в семнадцать лет девичий характер еще податлив.

Она вернулась из-за океана в марте, уже обзаведясь целой свитой друзей: тут были и европейские знакомцы, и школьные подруги, и молодежь из соседних с Лонг-Хиллз усадеб, и еще двое или трое таких, кого и вовсе трудно было причислить к какому-либо разряду. Вся эта разношерстная публика то и дело наезжала на уик-энд — кто по приглашению, а кто и без. Многое в их выходках не нравилось Стивену Кестеру, но он помалкивал. Будущей зимой в городе все пойдет по-другому. Там он заведет свои порядки.

Он поймал себя на том, что с удовольствием предвкушает ту роль, которую ему вскоре предстояло сыграть, официально выводя внучку в свет. Впервые за десять лет он проведет зиму в Нью-Йорке и откроет городской особняк. Порой, предаваясь после обеда за бокалом портвейна степенным мечтам, он видел перед собой величественный старый дом с высоким крыльцом на Пятой авеню, бесшумные автомобили, ждущие у подъезда, танцы в старинном бальном зале на верхнем этаже под изящную музыку струнного оркестра.

Промелькнет сезон-другой, от кавалеров не будет отбоя (он принадлежал к поколению, говорившему «кавалер», а не «бойфренд»), и Дженнифер выйдет замуж. У него уже имелось на примете несколько в высшей степени завидных женихов, чьи имена занимали равно достойное место и в финансовом справочнике Дана, и в «Светском альманахе». А после свадьбы, выждав приличествующие полтора года, появится ребенок — желательно мальчик, которого назовут Стивеном Кестером... Дженнифер унаследует Лонг-Хиллз и пожизненное право пользоваться его деньгами, а со временем все состояние целиком перейдет к Стивену Кестеру...

На этом месте он обычно отпивал еще глоток портвейна и улыбался. И все же отрадную картину его грез уже омрачало легкое облачко. Конечно, то была всего лишь мимолетная тень, и стоило ему проявить чуть больше твердости, как она бы тут же рассеялась; и тем не менее это не давало ему покоя.

Вот с такими мыслями он и поднимался неспешно по широкой, окаймленной кустарником дорожке, что вела из сада к дому. Изнутри доносился смех, звон бокалов, а со стороны

щебеночной подъездной дороги, бегущей от шоссе, послышался рев мотора. В маленьком проходе между буфетной и столовой, где дворецкий Ленокс смешивал коктейли, Кестер остановился.

— Мисс Дженнифер вернулась, Ленокс? — осведомился он.

— Да, сэр. Только что приехала.

— А ее гости?

— Она сказала... — Ленокс смущенно замялся. — Она сказала, что гости останутся ночевать и чтобы я приготовил спальни. — Он умолк, словно ожидая, подтвердит ли хозяин это распоряжение.

— Очень хорошо. — Кестер умело скрыл легкую досаду. Больше сорока лет он один отдавал приказы в своем доме, и мысль о том, что распоряжаться здесь может кто-то другой, пришлась ему не слишком по нраву. Ленокс, казалось, вполне разделял чувства хозяина.

Кестер снял нелепую соломенную шляпу и садовый балахон, надел пиджак, висевший в маленьком стенном шкафу в холле, и через столовую прошел в огромную гостиную, где собрались внучка и ее гости. На пороге он остановился, оглядывая стайку молодых людей; занятые собой, они его не заметили.

Дженнифер, юный Колин Джеффри из соседнего поместья, школьная подруга, приехавшая на недельку из Бостона. Двое незнакомых ему юношей — один забавный пухляк, другой воплощение ленивого и жизнерадостного благополучия. И четвертый — худощавый, темноволосый, с устало опущенными плечами. Его называли Клиффом.

Когда взгляд Стивена Кестера остановился на этом последнем, никто не взялся бы угадать, о чем подумал старик: «Голову с плеч!» или «К вашим услугам, милорд».

С минуту он медлил на пороге, словно раздумывая, присоединиться ли к молодежи. Но передумал, вышел через маленькую дверь из столовой в холл и направился в библиотеку напротив гостиной. Там несколько минут спустя его и разыскал Ленокс.

— К вам джентльмен, сэр, — доложил он. — Назвать свое имя и цель визита отказался. Настаивает на разговоре с глазу на глаз.

Кестер слегка приподнял брови: гости в Лонг-Хиллз бывали редко, а уж таинственные незнакомцы, скрывающие свое имя, и подавно; однако он дал понять, что примет посетителя. И вскоре дворецкий ввел в комнату гостя — высокого костлявого человека с прожилками румянца на бледных щеках и странно расчетливым взглядом из-под тронутых сединой ресниц.

Ленокс притворил за собой дверь, оставив хозяина наедине с пришельцем.

* * *

Полчаса спустя Кестер вышел из библиотеки в сопровождении гостя. В дверях гостиной оба остановились. Завидев их, молодые люди притихли и, подобрав раскинутые руки и ноги, приняли более благопристойные позы.

Кестер сдержанно и с достоинством поздоровался со всеми, и его представили двоим, которых он еще не знал, — забавному пухляку по фамилии Беллинджер и лениво-жизнерадостному баловню судьбы по фамилии Трейси.

— А где же Дженнифер? — спросил хозяин, заметив, что внучки нет в комнате.

Словно в ответ на его вопрос, с широкой лестницы, видневшейся сквозь просторную арку холла, донесся шум.

— Послушайте все, какая умора! Я сейчас нашла... — Топот бегущих ног. На верхней ступеньке длинного марша мелькнули стройные ножки и подол юбки.

При звуке этого голоса сутулые плечи незнакомца вдруг распрямились; быстрым движением он шагнул к резному столбу в основании перил и поднял голову, с жадным ожиданием глядя наверх, а в глазах его зажегся странный юношеский свет, никак не вязавшийся с тронутыми сединой волосами.

Увидев его таким, девушка разом осеклась: одна рука на перилах, нога медленно соскользнула с верхней ступеньки. Она остановилась и замерла, во все глаза глядя на него. Остальные в комнате, словно повинуясь какому-то смутному наитию, вдруг почувствовали, что происходит нечто из ряда вон выходящее, и голоса стихли. На миг воцарилась почти полная тишина — Дженнифер Винтон смотрела сверху вниз в жадные глаза незнакомца. Когда же девушка медленно тронулась с места и стала спускаться, он неверной рукой ухватился за столб перил.

— Дженнифер, моя дорогая, — голос Стивена Кестера нарушил молчание, сковавшее всех странным, жутковатым оцепенением. — Это мистер Херрис — мистер Роджер Херрис, мой старый друг, который погостит у нас несколько дней.

— Я... я очень рада... — Девушка протянула руку, и конец ее фразы утонул в общем говоре: беседа возобновилась так же внезапно, как и оборвалась, и каждый из присутствующих явно старался сделать вид, будто ничего особенного не произошло.

Все, кроме молодого человека по имени Трейси — воплощения ленивой, жизнерадостной безмятежности, — который развалился на диване рядом с забавным пухлым юношей.

— Если хочешь знать мое мнение, — вполголоса протянул он, — которым ты, разумеется, не поинтересуешься, поскольку ты всего лишь откормленный херувим, глухой к тончайшим нюансам бытия... так вот, если хочешь знать мое мнение, у нашего нового друга Херриса такой вид, словно он только что увидел привидение. А что до Джен... — И он в полном недоумении пожал плечами.

Глава II
Стивен Кестер раздражен

— Беда с тобой, дружище, в том, что ты не умеешь отличить простое тисканье по углам от истинной любви.

Молодой человек по фамилии Трейси, преисполненный ленивого, жизнерадостного благополучия — с ним мы уже встречались в первой главе, — развалился в плетеном кресле-гамаке под старыми развесистыми дубами, которые в этот знойный день третьего июня превратили лужайку поместья Лонг-Хиллз в мягкий зеленый тенистый приют. Был он весьма хорош собой, с небрежной золотистой шевелюрой и видом человека, которого безмерно забавляет и весь белый свет, и его нынешние причуды.

У его ног, точь-в-точь преданный пес, растянулся пухлый юноша по фамилии Беллинджер, тоже вполне довольный жизнью. Но его блаженство сродни было блаженству сытой и слегка обожравшейся коровы — уж простите за легкую путаницу в родах ради удачного сравнения. Время от времени, словно желая усугубить свою и без того очевидную пресыщенность, он запускал пятерню в блюдо с пирожными на стоявшем рядом чайном столике, накрытом к пяти часам. Но чая еще не подавали, а Спайк и Билл — как звали приятелей запросто — оставались пока единственными гостями.

— Простое тисканье и истинная любовь, — повторил Спайк, словно вбивая эту мысль поглубже в голову собеседника.

— Ну и в чем же разница? — поинтересовался Билл.

— Пустяковое дело. Мои обширные лабораторные изыскания по обе стороны Атлантики научили меня вот чему: если парочка просто милуется и ты застигнешь их врасплох, они только посмеются, а то и предложат тебе сыскать подружку и славно повеселиться вчетвером. Но если это истинная любовь — тут уж жди праведного гнева: они удаляются в глубоком негодовании, смерив тебя таким взглядом, будто ты последний хам и соглядатай, вздумавший осквернить их чистую страсть своими гнусными подглядываниями.

— Выходит, Дженнифер и впрямь влюбилась.

Спайк кивнул:

— Имей я пристрастие к вульгарному жаргону наших дней — а я его, слава богу, имею, — я бы сказал, и говорю: еще как!

— Но кто такой этот Клифф, эта унылая жердь, что приезжает сюда на уик-энды?

— Боюсь, старина, ты к нему несправедлив. Он весьма достойный молодой человек. Куда достойнее нас с тобой. Гнет спину в адвокатской конторе, да еще три-четыре вечера в неделю дает уроки, чтобы свести концы с концами. Потому-то в субботу и воскресенье он вечно выглядит таким чертовски измочаленным и усталым.

— Но где Джен его подцепила? Он же совсем не ее круга.

— Ну, полагаю, все вышло очень романтично: столкнулись в автобусе или, скажем, в парке. Взглянули друг другу в глаза — между ними пробежала искра, пронзив все их существо, — и они поняли, поняли все без единого слова.

— Что поняли?

Спайк сострадательно посмотрел на своего упитанного друга и вздохнул:

— Неважно. Я просто пытался воссоздать одну из тех сцен, которые так обожают наши самые слезливые беллетристы. Но готов биться об заклад, что примерно так все и было. Обычным путем они познакомиться никак не могли, а для всякого, кто упорно сует нос в укромные любовные уголки этого поместья, совершенно очевидно, что тут дело не сводится к простым обжиманиям.

— Но неужели ты думаешь, она выйдет за него замуж?

— Дженнифер Винтон из тех девиц, что способны выкинуть любую чертовскую глупость. Нрав у нее горячий, особенно если идти ей наперекор, и, если дедушка не поостережется, он наживет себе крупных неприятностей.

— Но Кестер держится с ним ужасно прилично и вежливо, — возразил Билл, отправляя в рот очередное птифур.

— Вот именно. Чертовски вежливо. С тобой и со мной он не церемонится, потому что знает: мы с ним одной касты. А Клифф — из неприкасаемых. Он зарабатывает себе на хлеб, а его матушка, небось, пускала жильцов. Старик — жуткий сноб. С человеком, которого он считает ниже себя по положению, он не позволит себе ничего, кроме самой ледяной учтивости.

— Должно быть, оттого у него всю эту неделю нервы и шалят.

— Значит, ты тоже заметил?

— Еще бы, по всему видно, что его что-то гложет.

Спайк кивнул:

— Вот только вряд ли тут виноват один Клифф. Не забывай про Херриса.

— Да, а что с ним? Тоже метит в женихи к Дженнифер?

— Понятия не имею. Как по мне, мистер Херрис — идеальный таинственный незнакомец для мелодрамы. Загадочным образом возникает ниоткуда, его без всяких объяснений представляют гостям, при виде прекрасной внучки он слегка теряет рассудок, а всю оставшуюся неделю делит свое время между тем, что молча пялится на нее со странным, непостижимым выражением в глазах, и тем, что заводит с дедушкой беседы, от которых дедушку почему-то начинает корчить.

— А разве Дженнифер не знает, откуда он взялся?

— Ага! Тут-то тайна и сгущается. Она призналась мне, что в жизни его не встречала, но — заметь, как точно это укладывается в лучшие каноны старой доброй мелодрамы! — «но, — говорит она, — в нем есть что-то странно знакомое». Я сто раз видел такое в кино: обычно выясняется, что это то самое лицо из медальона, снятого с шеи бедной милой Тесси, которая давным-давно умерла, унеся свою тайну в могилу. Я спросил Джен, не завалялось ли у нее старых медальонов, но она, видать, в кинематографе не сильна. Не уловила сути. Впрочем, она слишком влюблена, чтобы понимать шутки.

— О себе-то Херрис рассказывает предостаточно, — напомнил Билл.

— Однако заметь, — в свою очередь напомнил Спайк, — ни одна из этих историй не объясняет ни его появления здесь, ни его прежнего знакомства — дружбы, вражды или что там у них было — с Кестером. О да, язык у мистера Херриса подвешен отлично, когда речь заходит о приключениях в дальних краях.

— Может, врет?

— Нет, не думаю. В его рассказах чувствуется правда. Да и смахивает он на солдата удачи — чьи лучшие дни уже позади. Мне он нравится. Есть в нем что-то этакое... ну, блестящее и притягательное.

Спайк умолк, закурил сигарету и с минуту задумчиво глядел вдаль. Но вскоре его размышления прервали голоса, и он обернулся к дому. По дорожке к чайному столику шел Стивен Кестер в сопровождении своего секретаря Горация Притчарда. Чуть поодаль за ними следовала Энид Притчард — в летние месяцы секретарь с женой проводили в Лонг-Хиллз почти все время и считались здесь своими людьми.

Вскоре появился Ленокс с чаем.

А затем вышла Дженнифер. Трудно было поверить, что ей всего семнадцать. Телом она вполне созрела и выглядела лет на двадцать пять, а два года, проведенные в самых фешенебельных уголках Европы, придали ее уму искушенность совсем не по возрасту. Лицо ее нельзя было назвать красивым и, пожалуй, даже хорошеньким, но оно приковывало взгляд. Чуть рас-

косые глаза под густыми — наперекор моде выщипывать в ниточку — бровями; задорный, беспечный, по-юношески свежий носик; и капризный рот с пухлыми губами, как у избалованной куртизанки. Натура явно порывистая, с причудливыми перепадами настроения: в один миг веселая и беззаботная — под стать носику; в следующий — угрюмая, даже злая, и тогда в игру вступали пухлые губы; а еще через мгновение — странно-непостижимая, как эти раскосые глаза.

Шагая по усыпанной гравием дорожке к чайному столику, она казалась чем-то озабоченной и села на свое место молча, даже не поздоровавшись с теми, кто собрался раньше нее. Заговорила она лишь тогда, когда ей подали дымящуюся чашку.

— Господи боже, горячий чай в такое пекло!

Кестер неторопливо опустил свою чашку.

— Дорогая моя, сколько раз мне повторять, что в жаркий день температура тела понижается...

— Больше ни разу, дедуля; я все это знаю наизусть, включая японских кули, которые ошпаривают себе внутренности горячим чаем, чтобы три часа спустя им стало на одну десятую процента прохладнее. Что ж, я так далеко вперед не заглядываю, дедуля.

Она отставила чашку, даже не пригубив, и схватила сэндвич. С Кестером она держалась почти вызывающе, особенно налегая на это словечко — «дедуля». Было совершенно очевидно, что он предпочел бы более почтительное «дедушка», и столь же очевидно, что именно поэтому она упрямо твердила свое «дедуля».

В эту самую минуту неловкость счастливо разрядили голоса, донесшиеся из густого соснового бора, окружавшего усадьбу, и вскоре из его глубокой тени вышли Роджер Херрис и Колин Джеффри.

— Мы с мистером Джеффри предавались старомодной забаве, — пояснил Херрис, подходя к столику. — Гуляли просто ради самой прогулки.

Слова звучали вполне невинно, однако от внимательного взгляда не укрылось бы, что одно лишь присутствие Херриса произвело в Стивене Кестере какую-то неуловимую перемену. Внешне это никак не проявилось — скорее, внутри у него словно натянулась какая-то настороженная струна. Но заговорил он тоном хозяина, проявляющего вежливый интерес к делам гостя:

— Вижу, однако, ваша прогулка не прошла совсем уж даром. — И он кивнул на огромную охапку каλλейол, которую Херрис держал в одной руке. В другой у него был зажат крепкий обоюдоострый нож, которым он рубил их жесткие корни.

— Вовсе нет, если мисс Винтон примет их, — и с галантностью кавалера старого закала он протянул ей букет, слегка склонившись. — Едва ли они могут соперничать с творениями оранжерей Лонг-Хиллз, но, быть может, именно поэтому мисс Винтон сочтет их… м-м… достойными внимания.

Хотя эти слова предназначались как будто Дженнифер, в конце фразы Херрис повернулся к Кестеру и улыбнулся. Но Кестер не ответил на улыбку. Казалось, он смотрел прямо перед собой невидящим взглядом.

Зато с лица самой Дженнифер вдруг исчезло прежнее угрюмое и недовольное выражение. Когда она заговорила, от дерзких ноток не осталось и следа — ее голос прозвучал тепло и приветливо:

— Спасибо, мистер Херрис. — Она взяла свежие лесные цветы, еще пахнущие теплой черной прелой листвой. — Они лучше, куда лучше всего, что могут вырастить наши оранжереи.

— Дорогая моя, — вмешался задетый за живое Кестер, — мне весьма неприятно слышать подобные речи. Я, разумеется, не спорю: дикие каллейолы очень милы. Но если бы ты дала себе

труд взглянуть на экземпляр, который я выписал из Швейцарии и высадил в южном парнике, ты бы…

Оседлав любимого конька, он разглагольствовал минут десять и на это время, казалось, напрочь позабыл обо всех неприятностях, которые могли его тяготить. Гости слушали с машинальным вниманием, но было совершенно ясно, что тонкости садоводства оставляют их равнодушными. Дженнифер же глубоко уселась в кресло и вновь погрузилась в угрюмое молчание, не замечая взгляда Херриса — задумчивого, почти ласкового, но вместе с тем встревоженного.

— Разумеется, в диком виде каллейола сильно проигрывает, — вещал тем временем Стивен Кестер. — В большинстве штатов ее попросту называют железняком, и…

Херрис перебил его легким смешком:

— И надо сказать, очень метко называют. Знаете, старые железные рудники Арко сплошь ими поросли. Они заполонили все холмы — правда, разновидность там чуть другая, чем у вас здесь, понежнее и не такая живучая. У самого устья одной из шахт — шестнадцатой, вы же помните, — сказал он, поворачиваясь к Кестеру, — там, где нашли первую по-настоящему обнадеживающую жилу, у той небольшой шахты чуть левее… Впрочем, да, — торопливо и виновато оборвал он себя, — вы ведь никогда не видели тех рудников.

Он смотрел через чайный столик, и в уголках его улыбающегося рта залегла насмешливая складка. При этом слова его звучали предельно учтиво. Стивен Кестер поспешно потянулся за сэндвичем.

— Нет… нет, никогда не видел, — проговорил он и тут же быстро повернулся к секретарю: — Притчард, напомните мне завтра отправить чек, который я обещал приюту, и непременно…

— А меня, знаете ли, всегда завораживали рудники, Херрис, — бесцеремонно вклинился Спайк в начатый Кестером разговор ни о чем. — Что это за рудник Арко?

— Спросите мистера Кестера. Он знает о нем больше моего.

Но Кестер, занятый торопливой беседой с секретарем, словно и не расслышал этих слов. Херрис глянул на него и ни с того ни с сего рассмеялся, однако чуткое ухо, способное улавливать тончайшие оттенки звука, не нашло бы в этом смехе веселья.

В нем сквозила затаенная горечь.

— Уж не часть ли это той фантастической южноамериканской авантюры, о которой вы рассказывали на днях? — не унимался Спайк.

Херрис покачал головой.

— Нет, рудник Арко был не в Южной Америке. Там, на юге… — он опустил глаза к земле, бесцельно прочерчивая в траве длинные полосы кончиком обоюдоострого ножа, которым срезал каллейолы, — там народ порядочный. Когда от тебя хотят избавиться, это делают по-доброму, вот этим, — и он поднял нож. Поставив чашку на стол, он откинулся на спинку кресла, отдаваясь нахлынувшим воспоминаниям. — Помню ту ночь, когда он мне достался. Я только что спустился в Лиму с гор с составом руды…

Полчаса они сидели как завороженные, слушая его рассказ, пока тени на траве удлинялись, а послеполуденный зной отступал перед легким ветерком с залива. То была повесть о крови, проливаемой с удивительным равнодушием, о лютой вражде, яростных схватках и насильственной смерти, которую принимали философски, как одну из самых обыденных случайностей бытия.

— И в их взгляде на вещи есть своя правда, — продолжал Херрис. — В конце концов, смерть не так уж страшна для того, кого она настигает. Страдают те, кто остается жить — в холе и безопасности, но с неспокойной душой. Не так ли? — Вопрос был явно риторическим, однако, произнося его, Херрис не сводил глаз со Стивена Кестера.

Но Кестер был занят носовым платком.

— Что-то вдруг похолодало, — произнес он с деланной бодростью, совершенно невпопад. — Пожалуй, пойду-ка я в дом. Не хватало еще схватить простуду.

Он поднялся, и Притчард последовал за ним, как верная тень. Они удалились под пространные рассуждения Кестера о летних простудах.

— Пожалуй, и я побегу, — сказала Дженнифер. — Идемте, мистер Херрис. Если вы еще не знаете, вы меня провожаете, — и, подхватив его под руку, она вытащила его из кресла. — Скажите мне, — с подкупающей прямотой спросила она, когда они неспешно пошли вверх по усыпанной гравием дорожке, — кто вы такой и откуда взялись?

Он рассмеялся, но на этот раз без всякой горечи и иронии — только с какой-то ласковой усмешкой глядя сверху вниз на шагавшую рядом девушку.

— «Откуда ты явилось, милое дитя? — пропел он. — Из Всюду прямо в Здесь».

— Ну нет, я серьезно, — добродушно возразила она. — Расскажите.

— Беда в том, что, если я вам расскажу, вы будете знать. — И с этим глубокомысленным заявлением Роджер Херрис низко склонился, поцеловал ей руку и быстро ускользнул прочь.

Глава III
«Ну, знаете, черт побери!»

ДЕСЯТЬ лет подряд завтрак в «Лонг-Хиллз» подавали ровно в восемь утра, и всякий, кто хотел поесть, садился за стол в этот час либо ждал до ленча. Но с приездом Дженнифер завтрак превратился в праздник переходящий. Гости — а в доме всегда гостили три-четыре человека — тянулись в столовую до одиннадцати. Порой они и вовсе не утруждали себя утренней трапезой, а спали все утро до часу дня, прямо к ленчу.

Впрочем, Стивен Кестер хранил верность старым порядкам и каждое утро появлялся ровно в восемь. Его секретарь Притчард обычно завтракал вместе с ним: по опыту он знал, что это едва ли не единственное время за весь день, когда внимание хозяина удается сосредоточить на тех немногих мелких финансовых вопросах, которые порой требовали решения.

Отойдя от дел, Кестер перевел свое состояние в надежные ценные бумаги, поручил их трастовой компании, а Притчарда нанял в качестве кого-то вроде главного управляющего и секретаря в одном лице. Притчард вел его переписку, ведал благотворительностью, выбирал подарки на свадьбы и крестины, равно как и похоронные венки, зорко приглядывал за прислугой и проверял счета из бакалейной лавки. Он боготворил мелочи, был идеальным лакеем — теми шарикоподшипниками в механизме бытия Стивена Кестера, благодаря которым жизнь катилась гладко, без малейших усилий, оставляя хозяину уйму времени для садоводства.

Эта страсть к садоводству придавала приятному, неспешному существованию Кестера тихую прелесть. В свежее летнее утро, особенно если впереди лежал полный приключений день и предстояло выслеживать букашек на розовых кустах, он обычно пребывал в самом радужном настроении.

Однако утром четвертого июня, хотя день выдался безупречный — словом, идеальный для охоты на жуков, — Стивен Кестер был далеко не в духе. Едва почав яйцо всмятку, он отодвинул пашотницу и мрачно уставился на вазу с желтым львиным зевом и бледными листьями папоротника посреди стола. Притчард, сидевший напротив, вопросительно посмотрел на него.

— Насчет чека для исправительного приюта, мистер Кестер, — начал он своим самым вкрадчивым секретарским тоном. — Выписать его на пятьсот долларов или…

— Ах, бог с ним сегодня, с этим приютом. У меня сейчас другое на уме.

Поскольку почти все «другое» в жизни Стивена Кестера сводилось к садоводству и, следовательно, в глазах Притчарда особой важности не представляло, секретарь не отступился.

— Но сбор пожертвований заканчивается завтра, и им очень хочется довести общую сумму до…

— Притчард, — резко и твердо оборвал его Кестер, — будьте любезны оставить эту тему. Я не желаю обсуждать ее сейчас.

Притчард мигом сник. Долгие годы службы научили его понимать, когда от патрона можно добиться решения, а когда настаивать бесполезно. Секретарь умолк.

По другую сторону стола Кестер раздраженно вертел в пальцах ложку. Вдруг он поднялся, с противным скрежетом отодвинул стул и отрывисто бросил:

— Когда будете сегодня в городе, зайдите в банк, заберите мои облигации горнорудной компании «Арко», отвезите их Рейнору и передайте, чтобы он сбыл их с рук — все до единой, черт бы их побрал! — Он помедлил; в голосе его закипал гнев. — И скажите Рейнору, пусть приезжает сюда в воскресенье.

— Слушаюсь, сэр, — ответил секретарь и тоже встал из-за стола. Впрочем, он тут же опустился обратно, заметив в холле свою жену: она еще не завтракала и как раз спускалась по лестнице, разминувшись с Кестером.

Гораций Притчард представлял собой явление нередкое, но жалкое: крупный мужчина — почти шести футов росту — под каблуком у женщины, едва достававшей ему до плеча. Она управляла им примерно так же, как шпрехшталмейстер на манеже управляет тяжеловесной белой лошадью, которая покорно бежит по кругу от одного щелчка крохотного бича.

Когда она вошла в столовую, даже самому невнимательному наблюдателю стало бы ясно, что некогда она была хороша собой. В молодости миссис Притчард играла на сцене. «Ведущая инженю в бродвейских постановках», — рекомендовалась она, но за пределы этих общих слов заманить ее было трудно. Вдаваться в точные даты и названия спектаклей она не любила.

С годами девичьи округлости инженю раздались настолько, что лишь суровая диета да корсет спасали ее от участи превратиться в пухлую приземистую матрону, напоминающую туго набитую диванную подушку. Все это несколько портило ей характер, особенно скверный по утрам, до кофе. Обычно муж ждал, пока она выпьет первую чашку, и лишь потом заговаривал. Но сегодня он отступил от заведенного правила.

— Он ужасно расстроен, — сообщил Притчард, кивнув на дверь, за которой только что скрылся Кестер. — Только что велел мне вызвать на воскресенье Рейнора, чтобы пересмотреть дела, а сегодня же продать его облигации рудников «Арко».

Однако когда полчаса спустя Притчард столкнулся с патроном в холле, собираясь вместе с женой ехать на станцию к городскому поезду, к Кестеру, казалось, отчасти вернулось душевное равновесие. Гнев его утих, но губы были жестко, без тени улыбки сжаты, когда он переступил порог библиотеки и притворил за собой дверь.

* * *

У себя в комнате Роджер Херрис писал не отрываясь уже два часа. Наконец он остановился, отложил ручку и оглядел стопку листков, исписанных его размашистым почерком — он писал широким пером. Не спеша он перечитал написанное, то и дело прерываясь, чтобы заменить слово или вставить фразу. Закончив, он надписал адрес на большом конверте, и, пока перо бежало по бумаге, уголки его губ приподнялись в иронической усмешке — словно он затевал грандиозную шутку. Эта улыбка еще не сошла с его лица, когда в ответ на звонок в дверь постучал Ленокс.

— Я хотел бы отправить это немедленно — заказным, со срочной доставкой, — сказал он, протягивая конверт дворецкому. — Мисс Винтон уже завтракала?

— Нет, сэр. Она еще не вставала.

— Тогда пришлите ко мне Дору, пожалуйста.

— Дору? — Брови Ленокса едва заметно поползли вверх. Ему было в диковинку, чтобы гости-джентльмены искали общества Доры. Будь то одна из молоденьких горничных, он бы еще понял — как-никак он считал себя не только дворецким, но и человеком светским. Но Дора! Ей ведь добрых пятьдесят лет, и, на взгляд Ленокса, особа она препротивная. Впрочем, он скрыл удивление за почтительным «Слушаюсь, сэр» и спустился вниз.

Предмет его поисков сидел за шитьем в комнате отдыха для прислуги, рядом с кухней. Появившись в «Лонг-Хиллз» лет на десять-двенадцать раньше Ленокса, Дора держалась с бесцеремонной независимостью, что было весьма не по нутру человеку, жаждавшему безраздельной власти на половине для слуг. Свой самый густой выговор она оставила в Корке много лет назад, но ирландский темперамент по-прежнему несла как победное знамя. Ленокс, воспитанный в английских традициях собственного достоинства, от открытых схваток уклонялся, предпочитая царственное высокомерие, перенятое у покойного герцога Уэкстона, которому он

некогда служил. Вот уже восемь лет между ними по молчаливому согласию шла необъявленная война.

Когда-то Дору взяли в дом нянькой к крошке Дженнифер. А когда девочка выросла из возраста, в котором нужны няньки, Дора осталась в качестве экономки — должность, по мнению Ленокса, совершенно лишняя. С возвращением Дженнифер она переложила часть своих забот на младших горничных и самочинно произвела себя в камеристки. Впрочем, совсем не в том духе, как это показывают в кино.

Дора не сверкала обтянутыми черным шелком ножками, не носила кокетливых наколок и крошечных муслиновых передничков. Пышную материнскую грудь Доры обтягивал добротный синий ситец, а большие белые полотняные фартуки были столь же практичны и основательны, как и ее широкое, добродушное ирландское лицо, на котором совсем уж неожиданно смотрелись боевые голубые глаза.

— Мистер Херрис желает видеть вас у себя в комнате, — сухо сообщил Ленокс и отправился разыскивать шофера Джозефа, чтобы отослать только что врученное ему увесистое письмо.

Услышав имя Херриса, Дора, сидевшая у окна, вдруг уронила шитье на колени. Но не сказала ни слова, поднялась и пошла наверх.

* * *

Пятого июня, в восемь часов вечера, Спайк и Билл переодевались к вечеру в комнате, которую делили с тех пор, как приехали в «Лонг-Хиллз» в минувшую субботу после полудня; переодевались, надо заметить, под аккомпанемент пыхтения и проклятий с одной стороны и добродушных насмешек — с другой.

— Беда твоя, голубчик, в том, — говорил Спайк, — что фигуре твоей недостает рельефности. Ни тебе нежно вздымающейся груди, ни осиной талии, ни гибких бедер, волнующих своей томной плавностью. В тебе слишком много от бочонка и слишком мало от песочных часов. Ты чересчур…

— Ой, заткнись ты, ради бога, и помоги мне! — Билл стоял посреди комнаты и беспомощно сражался с застежками корсажа из черной тафты, густо расшитого стеклярусом и тесьмой — по моде милых, канувших в Лету девяностых. Нижнюю половину его тела окутывала необъятная юбка с турнюром на заду. Из-под подола со слоновьей игривостью выглядывали широкие, просторные туфли сорок третьего размера.

— Сейчас подложим малость для объема, и дело с концом, — Спайк принес с диванчика у окна думку и как сумел запихнул ее под черную тафту на груди, соорудив нежно вздымающийся бюст. С пухлого лица молодого человека, стремительно наливавшегося апоплексическим багрянцем, градом катил пот.

— И кто только выдумал этот чертов маскарад? — вопросил Билл, безуспешно промокая лоб.

— Твоя очаровательная хозяйка, Дженнифер.

— Ой! Ай! Да перестань ты меня колоть, бога ради! Я тебе что, подушечка для булавок? — Билл весь извертелся. — Тебе-то хорошо заливаться смехом. На тебе ничего нет, кроме тигровой шкуры да этих треклятых сандалий. И какого только дьявола я не нарядился гладиатором, а вырядился своей двоюродной бабкой Салли?

— Для гладиатора ты не вышел фигурой, старина, но давай не будем терять времени на споры. Там уже танцуют. Хватай маску, и пошли. Мадам, — он отвесил шутовской низкий поклон, — позвольте предложить вам руку.

Две нелепые фигуры — слегка перенабитая дама из девяностых и весьма легко одетый джентльмен с римской арены — спустились по длинной лестнице в главный холл дома.

Нижний этаж «Лонг-Хиллз» заполнила поистине пестрая публика. Тут был и Эл Джолсон с начерненным лицом, и Робин Гуд; вюртембергский бюргер пятнадцатого века вел под руку хористку двадцатого; слонялась парочка чикагских гангстеров; над толпой возвышался ткач Основа с огромной ослиной головой; в развевающихся белых одеждах плыла гибкая и плаксивая Офелия — и все они предавались дурачествам, которые в здравом уме и обычном платье сочли бы глупым ребячеством. Гангстеры картинно размахивали револьверами, а дама, одетая в стиле иллюстраций Кейт Гринуэй, вовсю строила глазки вюртембергскому бюргеру.

Основа привлекал всеобщее внимание — должно быть, из-за редкостного уродства огромной ослиной головы: пасть ее кривилась в рузвельтовской ухмылке, обнажая редкие зубы из кубиков слоновой кости.

— Какие у тебя чудесные зубки, милый Основа! — пропищал Робин Гуд, передразнивая Красную Шапочку. Но Основа лишь важно кивнул и пробормотал что-то невнятное, утонувшее в гулкой пустоте его бутафорской башки.

— Спички ни у кого не найдется? — Римский гладиатор с сигаретой, нелепо торчавшей в углу рта, беспомощно оглядел свою лишенную карманов тигровую шкуру, и Робин Гуд извлек из складок зеленого сукна зажигалку.

Монахиня отплясывала с викингом, а крошка Дотти Димпл — с сицилийским разбойником. Средневековье без всякого разбора смешалось с двадцатым веком, и рыцари Святого Грааля то и дело звякали карманными фляжками о латы.

Вечеринка была небольшая, пар на тридцать, и затеяла ее Дженнифер в минувшую среду. «Когда Клифф приедет на выходные, — сказала она тогда, — давайте устроим что-нибудь в старом духе. Маскарады — это так забавно, да и вообще мне осточертело ходить в здравом уме и обычном платье. Осточертело быть самой собой. Осточертело…» — и она стремительно выбежала с боковой веранды, где Спайк, Билл и Херрис курили после ленча.

— Что-то камнем лежит у нее на душе, — заметил тогда Спайк.

— Уж лучше бы она поскорее этот камень сбросила, черт побери, — отозвался Билл. — Джен — мировая девчонка, когда сама на себя похожа.

А Херрис промолчал.

Во время второго танца римский гладиатор, вернувшись с темной веранды, где курил в одиночестве, улыбнулся под маской при виде того, как вюртембергский бюргер отважно пытается провести по залу дебелую, чопорную даму девяностых в черной тафте и стеклярусе. Он выбросил сигарету и, когда пара поравнялась с ним, перехватил партнершу.

— Ну слава тебе господи, — прохрипела чопорная дама с чисто мужским чувством. — Пошли на веранду, что ли. Танцую с мужиком и чувствую себя каким-то педиком.

— Держись, после третьего танца снимаем маски. Осталось пережить всего один.

— Всего один! Господи боже, да я сейчас задохнусь!

— Ладно тебе скулить. У меня своих забот полон рот. Чувствую, мой костюм вот-вот с меня свалится. Пойду-ка я лучше наверх, приведу сбрую в порядок, — и Спайк, опасливо придерживая тигровую шкуру, стал пробираться сквозь толпу к лестнице.

Когда третий танец подходил к концу, в зале поднялась суета и пробежал тот напряженный радостный трепет, что всегда предшествует моменту, когда сбрасывают маски. И вдруг сквозь ритмы джаз-оркестра прорвался могучий грохот большого барабана.

В воздух взлетели маски… взрывы хохота… «Дорогая, я бы ни за что не догадалась!..» «А я сразу понял, что это ты!» Танцы разом прекратились, хотя оркестр продолжал играть. Чопорная дама в черном стеклярусе одним махом стащила с головы парик вместе с маской. Гамлет снял полумаску и оказался Горасом Притчардом. Под личиной Робин Гуда скрывался Херрис.

— А где Основа? — Кто это был? — покатилось по залу. — Где Джен? — А Клифф? — Оркестр смолк, гости недоуменно переглядывались. — Куда подевался Основа?

— Я знаю! — подал голос Колин Джеффри, наряженный санкюлотом. — Я видел, как он поднимался по лестнице в самом начале третьего танца. Спорим, он прячется? Айда искать его! — И он бросился вверх по лестнице на второй этаж, а гости устремились за ним, точно орда революционеров, охотящихся на аристократов, — с гиканьем, хохотом и шутовскими кровожадными воплями. Толпа хлынула наверх, ввалилась в холл и рассыпалась во все стороны — по спальням, заглядывая в стенные шкафы, а трое или четверо помчались еще выше, на третий этаж.

И тут сквозь этот гам, точно удар молнии, полоснул крик — полный ужаса женский визг.

Толпа сломя голову кинулась к двери, откуда донесся этот вопль. И вдруг как вкопанная замерла на пороге, судорожно переводя дух.

В открытом стенном шкафу — дверцу которого распахнула одетая под Кейт Гринуэй Энид Притчард — виднелось то, что заставило ее закричать: скрюченный Основа. Голова его была неестественно вывернута, ослиный подбородок упирался в залитую кровью грудь.

Двое мужчин быстро шагнули вперед, осторожно подхватили тело, вытащили из шкафа и вытянули на полу. Огромная нелепая ослиная башка свалилась, открыв взглядам мертвенно-бледное, безжизненное лицо Стивена Кестера.

На миг все оцепенели, прикованные к страшной находке на ковре. Ни звука — лишь один общий судорожный вздох. Наконец тишину нарушил Роджер Херрис: он шагнул вперед и уставился на тело глазами, в которых изумление, казалось, пересилило ужас.

— Вот так чертовщина! — произнес он.

Глава IV
Дерзкое вторжение

ДЖОЗЕФ К. ФОКСКРОФТ, окружной прокурор Нассау, пятого июня ровно в полночь был вырван из крепкого сна телефонным звонком у изголовья кровати. Непослушной рукой он нащупал трубку, снял ее с рычага и зевнул:

— Алло?

— Джо, это ты?

— А-ага.

— Это Бин.

— Угу.

— Проснись и послушай, что я тебе скажу.

— Я слу… — Слово утонуло в новом зевке.

— Только что убили старика Кестера. Стивена Кестера!

— Угу. — И тут до него наконец дошел смысл сказанного: — Чего?!

— Стивена Кестера убили. Полиция штата уже там, ждут нас. Только что звонил капрал Хеппнер.

— Как это — «убили»?

— Пока не знаю. Я сейчас выезжаю, но если это и впрямь убийство, дело будет громкое. Подумал, ты захочешь поехать со мной.

— Господи боже! Стивен Кестер!

— Я на машине. Заскочу за тобой.

Полчаса спустя окружной прокурор и капитан сыскной полиции Руфус Дж. Бин уже мчались в Лонг-Хиллз. На перекрестках надрывно выла сирена, а красный фонарь над пробкой радиатора ярко высвечивал заветные буквы «П. Д.» — «Полицейский департамент», — которые, точно по волшебству, сметали с пути любые преграды.

Стороннему наблюдателю показался бы любопытным контраст между лицами двух спутников. Бин — крупный, жилистый детина, наделенный какой-то несокрушимой житейской и телесной прочностью. Когда-то он служил в убойном отделе нью-йоркской полиции. После очередной встряски в управлении и последовавшего за ней понижения он с отвращением подал в отставку и нашел себе тихую пристань в сонном захолустье округа Нассау. Десять лет столичной круговерти сменились десятью месяцами мирного сельского штиля, и этот покой уже начинал действовать ему на нервы.

И вдруг — убийство! Да какое! Стивен Кестер, один из богатейших людей в округе! Газетные полосы… «Капитан Руфус Дж. Бин, возглавляющий расследование…»

Крепко сжимая баранку тяжелыми ручищами, он в предвкушении буквально облизывался. На губах его почти играла улыбка.

Лицо его спутника выражало совсем иные чувства. На лбу залегла глубокая хмурая складка, а глаза с тревогой вглядывались в полосу света от фар. Молодой человек — пожалуй, даже слишком молодой для своей должности: лет двадцати семи, самое большее тридцати. Было видно, что он ревностный служака, но далеко не глупец и прекрасно понимает, как нераскрытое преступление может аукнуться на выборах. Перекрывая рев мотора, он озабоченно проговорил:

— Черт возьми, Бин, если это убийство, ну почему, ради всего святого, оно стряслось именно сейчас?

Бин сухо усмехнулся:

— Что ж ты заранее не потолковал с Кестером? Попросил бы его повременить со смертью до конца выборов.

— Кто-нибудь еще едет?

— Да, нам повезло. Пиви, дактилоскопист из нью-йоркского управления, как раз отдыхает тут неподалеку в отпуске, но я припашу его к делу. Он, Чанс и Маллейн едут следом, вместе с фотографом.

— А что док Киннэрд?

— Будет как только сможет. Уехал к больному, но я велел его жене, чтобы гнала его к нам, едва он переступит порог.

Главный город округа Нассау — Минеола — лежит милях в двадцати от Уэйверлинга, крохотной железнодорожной станции с почтовым отделением, ближайшей к поместью Лонг-Хиллз. В полночь, по пустой дороге, это расстояние легко покрыть за полчаса, так что в начале второго Фокскрофт и Бин уже свернули с шоссе и покатили по посыпанной щебнем подъездной аллее к Лонг-Хиллз.

Огромный особняк сиял огнями, вдоль аллеи выстроилась добрая дюжина автомобилей. Двое полицейских штата дежурили на парадном крыльце, еще двое — у черного хода. Едва машина прокурора и капитана подкатила к дому, из дверей вышел пятый, с нашивками капрала. Это был Хеппнер.

— Ну, что тут у вас? — с ходу бросил Бин, глуша мотор и выбираясь из машины. Хеппнер в двух словах обрисовал обстановку:

— У них тут был какой-то маскарад, и вскоре после того, как все сняли маски, нашли Кестера — заколот, мертвее не бывает. Насколько я понял, поднялся жуткий переполох, все метались как угорелые, пока трое не взяли дело в свои руки: один малый по фамилии Притчард — он здесь живет, вроде секретаря, потом сосед, живущий в миле отсюда, по фамилии Джеффри, и дворецкий. Они собрали гостей, отправили всех вниз, заперли комнату, где нашли старика, и попытались дозвониться вам в Минеолу, но телефон молчал.

— Провода перерезаны? — перебил Бин.

— Похоже на то. Один из моих ребят неплохо смыслит в электрике, сейчас ищет обрыв. Тогда они послали шофера взять любую машину и сгонять в Уэйверлинг, но все тачки до единой выведены из строя. Провода зажигания перерезаны прямо под приборным щитком.

— Надеюсь, вы там не слишком в них ковырялись?

— Обижаете, капитан. Я свое дело знаю. Один из парней просто посветил фонариком. Тут и приглядываться не надо, сразу видно, в чем загвоздка.

— Добро. Валяй дальше.

— Когда выяснилось, что ни одна машина не заводится, они…

— Кто это «они»?

— Те двое, Притчард и Джеффри, которые тут распоряжались на пару с дворецким. Они отправили шофера в Уэйверлинг пешком. Я случайно столкнулся с ним по дороге, и мы вместе вернулись в усадьбу. Увидев, какие тут дела, я смотался обратно в Уэйверлинг и позвонил вам. А с тех пор просто следил за порядком до вашего приезда.

— Ладно. Пошли, — скомандовал Бин и в сопровождении Хеппнера и Фокскрофта шагнул в дом. Картина, открывшаяся ему за порогом, была одновременно нелепой и жутковатой. Вдоль стен на маленьких стульях сидели разбойники и французские щеголи, рыцари, монахини и танцовщицы — все как один сидели навытяжку, стиснув руки, а на лицах застыл ледяной ужас, который казался еще острее на фоне шутовского притворства и непривычных маскарадных нарядов.

— Это гости, — пояснил Хеппнер. — Остальные, те, кто живет в самом доме, — наверху. — И он повел их по устланной мягким ковром лестнице в верхний холл, где у дверей спальни Стивена Кестера стоял на часах полицейский.

В самой комнате другой патрульный при появлении троих мужчин виновато спрятал сигарету и вытянулся в струнку. Тело лежало точно там же, куда его вытащили из стенного шкафа двое гостей; кровь уже запеклась и взялась темной шелушащейся коркой.

— Заколот, — буркнул Бин, глядя сверху вниз на это мрачное зрелище, и повернулся к Хеппнеру: — Оружие нашли?

— Нет. Я обыскал комнату как мог тщательно, стараясь ничего не трогать.

— Что-нибудь сдвинуто с места? Нарушен порядок?

— На наш взгляд — ничего.

Бин принялся внимательно осматривать спальню, осторожно ступая по полу и ничего не касаясь руками. Комната Стивена Кестера успешно выдержала натиск новомодных декораторов. Здесь сохранилась та же массивная мебель красного дерева, те же дубовые панели по стенам, те же тяжелые велюровые портьеры, что считались верхом изящества и уюта в восьмидесятых годах прошлого века, когда строился Лонг-Хиллз. Вдоль одной стены тянулись три окна — сейчас они были распахнуты настежь, но изнутри забраны наглухо запертыми сетками, спасавшими от ночной летней мошкары. Шторы были опущены, и одна из них то и дело похлопывала по сетке от ветерка.

Бин дотошно изучил каждый подоконник. Затем, задумчиво прищурившись, медленно обвел взглядом комнату, ощупывая глазами деревянную обшивку, стены, драпировки. Он по очереди заглянул за каждую картину и наконец, похоже, нашел то, что искал.

— За этой — стенной сейф, — сказал он, указывая на небольшой офорт с видом Парижа на западной стене, у самого изголовья тяжелой кровати красного дерева.

Прямо напротив сейфа находилась дверь в ванную. В дальней стене ванной виднелась еще одна дверь.

— Ведет в соседнюю спальню, — пояснил Хеппнер. — Ее занимает один из здешних гостей, некий Херрис.

Между дверью в ванную и дверью стенного шкафа, где нашли тело, стояло большое старомодное бюро с поднятой цилиндрической крышкой. Бин остановился перед платяным шкафом и заглянул в его темное нутро. Костюмы Стивена Кестера висели ровными, аккуратными рядами, а прямо под ними на полке у стены выстроились туфли на колодках. Всюду царил безупречный порядок. Лишь в одном углу сбился набок ботинок, да на полу валялись скомканные брюки, зажатые в металлической вешалке и забрызганные темно-красными пятнами, — единственные две вещи во всей комнате, оказавшиеся не на своем месте.

Бин повернулся к одному из полицейских:

— Спустись вниз и посмотри, не подъехали ли остальные из Минеолы. Если они здесь, пришли их наверх.

Судя по всему, машина, в которой ехали Пиви, двое полицейских и фотограф, не отставала от первой: уже через несколько минут они поднялись по лестнице и предстали перед Бином в ожидании приказов.

— Пиви, — обратился капитан к дактилоскописту, — займись этой комнатой. Вон там, за картиной, стенной сейф. Ченс, ты спускайся вниз, осмотри все автомобили и доложишь, что найдешь; если заметишь что-нибудь подозрительное, зови Пиви снимать отпечатки. Да узнай, нашли ли патрульные обрыв телефонного провода. Маллейн, когда они тут закончат, закрой комнату и следи, чтобы никто сюда не входил, кроме дока Киннэрда, когда он подъедет.

Раздав поручения своим людям и снова выйдя в коридор, Бин повернулся к Хеппнеру:

— Кого-нибудь из гостей уже допрашивали?

— Нет, оставил это вам. Мы ведь тут временно. Я только записал имена и адреса каждого, как вы велели по телефону.

— И кто же гостит в доме?

Хеппнер пробежал глазами по списку, а Бин записал имена на обороте конверта: двое молодых людей по фамилии Трейси и Беллинджер, некто Роджер Херрис, этот самый Притчард с женой, еще один малый по имени Клиффорд Миллард и Дженнифер Винтон, внучка покойного.

— А что насчет прислуги?

— Есть дворецкий по фамилии Ленокс и вроде как горничная мисс Винтон по имени Дора, а про остальных я не в курсе.

— Давайте-ка я потолкую с этим Джеффри, с секретарем и дворецким. Только не здесь, в коридоре. Найдется тут какая-нибудь свободная комната?

— Да, вон там пустая спальня, — капрал указал на дверь чуть правее верхней площадки лестницы.

Втроем они вошли в указанную Хеппнером комнату и зажгли свет. Бин послал капрала за Джеффри, Притчардом и Леноксом.

Первым явился Притчард, все еще в костюме Гамлета.

— Слава богу, вы приехали! — выдохнул он с порога. Голос его звучал хрипло и устало. Было видно, в каком он напряжении после пережитого кошмара.

Когда подошли остальные двое, Ленокс и Джеффри, Бин усадил их полукругом перед собой и обратился сразу ко всем:

— Похоже, сегодня вечером в этом доме только вы трое не потеряли головы, поэтому я попрошу вас рассказать мне в точности, что произошло. Вы, — он указал на Притчарда, — будете говорить за всех, а если кому-то из вас двоих будет что добавить или вы заметили то, чего не видел он, — сразу встревайте.

Даже трагические события этого вечера не могли лишить Притчарда его дотошной секретарской обстоятельности; не спеша, тщательно подбирая слова, он обрисовал все случившееся вплоть до того момента, как нашли тело.

— А после этого… — он запнулся, подавленный жутким воспоминанием. — После этого начался… кошмар. Я велел Леноксу позвонить в полицию, но телефоны не работали. И ни одна из машин не заводилась — тогда я послал шофера Йозефа пешком в Уэйверлинг, а по дороге он встретил патрульных. Остальное вы знаете не хуже меня. С тех пор как полиция взяла все в свои руки, мы сидели по своим комнатам.

— Все поодиночке? — спросил Бин, поворачиваясь к Хеппнеру.

— Все, кроме мистера Притчарда с женой и мисс Винтон, — пояснил Хеппнер. — Мисс Винтон, похоже, было совсем худо. Когда я приехал, она уже была у себя, а с ней эта Дора, ну я и позволил горничной остаться.

— Вы говорите, мисс Винтон «было совсем худо». Что это значит?

— Ну, сам-то я ее не видел. Но вскоре после того, как я приехал и стал разгонять всех по спальням, этот молодой человек, Миллард, показал мне ее дверь и сказал, что с ней горничная, а сама она ужасно расстроена, и попросил ее не беспокоить.

— Понятно.

— Кстати, о мистере Милларде и мисс Винтон, — вставил Ленокс, — тут есть…

— Ну что ж, капитан, по-моему, добавить тут больше нечего, — поспешно перебил его Джеффри. — Насколько я могу судить, мистер Притчард все отлично описал. Доложу я вам, творилось черт знает что: суматоха, распорядиться некому, все словно с цепи сорвались. Нам просто пришлось взять дело в свои руки и держать оборону до вашего приезда — верно, Притчард? — быстро проговорил Джеффри, стрельнув глазами в сторону секретаря.

— Да, было… очень тяжело, — согласился Притчард.

— И все же есть одна деталь, о которой… — Ленокс снова повел речь с того места, где его прервали.

— Все в порядке, Ленокс. Сегодня вечером вы нам больше не понадобитесь, — Джеффри кивком отпустил дворецкого. — Ступайте-ка лучше к себе, как и все остальные.

— Но есть одно…

— Ленокс, — в голосе Джеффри зазвучал металл, сквозь который пробивалась нервная дрожь, — мы с мистером Притчардом сами закончим беседу с капитаном. Нам не нужно…

— А давайте-ка вы позволите ему сказать то, что он хочет, — вмешался Бин, смерив Джеффри уничтожающим взглядом. Затем, повернувшись к Леноксу, кивнул: продолжайте.

— И все же есть одна деталь, которую мистер Притчард осветил не вполне ясно, — произнес дворецкий, и в голосе его прозвучало злорадное торжество, предназначавшееся Джеффри. — Когда я во второй раз спустился вниз, чтобы позвать Йозефа и велеть ему взять одну из машин — их у нас три: лимузин мистера Кестера, маленький «форд» для поездок прислуги по делам в деревню и спортивный автомобиль мисс Винтон, — так вот, когда я спустился велеть Йозефу взять машину и ехать звонить в Уэйверлинг, я вышел вместе с ним через боковую дверь. Машина мисс Винтон стояла сразу слева от подъездной аллеи, в тени, и… — он выдержал паузу, — в ней сидели мисс Винтон и мистер Миллард.

Бин с минуту обдумывал эту новость, прикидывая, что она может значить.

— Стало быть, вы хотите сказать, что их не было наверху со всеми остальными?

— Никак нет, сэр. Очевидно, что, находясь в машине, они не могли быть наверху.

Капитан метнул на дворецкого взгляд, ясно говоривший: «Ты мне тут не умничай», но вслух только буркнул:

— И что они делали?

— Пытались завести мотор, а мистер Миллард ругался. Мы с Йозефом подбежали и реквизировали машину прежде, чем толком сообразили, что они пытаются сделать. Йозеф — человек весьма горячий — крикнул: «Мистера Кестера убили, надо ехать за полицией!» — и, будучи мужчиной огромной силы, попросту выволок их обоих с переднего сиденья, запрыгнул внутрь и попытался завести сам. Тут-то он и обнаружил, что провода перерезаны. В суматохе я потерял мисс Винтон и мистера Милларда из виду, потому что снова побежал наверх доложить обо всем мистеру Притчарду.

— И когда вы увидели их в следующий раз?

— Несколько минут спустя. Они были наверху вместе со всеми.

Уголки губ Бина медленно поползли вверх в довольной усмешке.

— Похоже, кое-кто пытался дать деру, да фокус не удался, а?

Именно в этот миг в разговор ворвался чей-то голос — легкий и беспечный, словно речь шла о новой пьесе, а не о расследовании убийства:

— Полноте, голубчик, вам не кажется, что вы делаете слишком поспешные выводы?

Все шестеро вздрогнули и невольно повернулись на голос — к распахнутому окну в боковой стене комнаты.

— Какого черта! — рявкнул Бин.

Опершись на подоконник, на крошечном каменном балкончике стоял римский гладиатор, облаченный лишь в тигровую шкуру да в собственное несокрушимое добродушие. Он лучезарно улыбнулся честной компании, перекинул ногу через подоконник и неспешной походкой прошествовал на середину комнаты.

— У вас случайно не найдется сигаретки, капитан? Когда с этой киски сдирали шкуру, карманы спороли, так что мне весь вечер приходится стрелять курево.

— Послушайте-ка, вы еще кто такой и что, черт возьми, тут делаете?

— Что я делаю, по-моему, вполне очевидно. Подслушиваю. Вылез на балкон из своей комнаты по соседству. А вот насчет того, кто я такой, мнения расходятся. Я предпочитаю «Лаки Страйк», если у вас есть.

На миг и капитан, и Фокскрофт настолько опешили от этой беззаботной и беспримерной наглости, что только рты пораскрывали. Затем Бин поднялся, грубо схватил непрошеного гостя за плечо и уставился на него тем самым свирепым взглядом, каким в былые годы наводил ужас на уличную шпану.

— И чего ради вы подслушиваете? Любопытно, да?

— Безумно! Убийства меня всегда интриговали. Я часто говорил своему брату — Р. Монтгомери Трейси, возможно, вы о нем слыхали, — так вот, я часто говорил Ричарду…

— Плевать я хотел, что вы там говорили Ричарду или кому-то еще! Сейчас вы выйдете из этой комнаты, и выйдете живо, и подождете, пока я до вас не доберусь! И чтоб я больше вашего умничанья не слышал! — с этими словами капитан грубо дернул его за руку и поволок к двери.

Но прежде чем он успел дотащить туда своего пленника, Фокскрофт вскочил на ноги и преградил им путь, глядя на юного гладиатора, и в его встревоженных глазах внезапно вспыхнул огонек.

— Вы сказали, Р. Монтгомери Трейси — ваш брат?

Гладиатор кивнул.

— Значит, вы — Филип Трейси?

— Близкие друзья зовут меня Спайком.

По лицу окружного прокурора внезапно расплылась ухмылка; он отступил на шаг и оглядел стоявшего перед ним молодого человека. На миг показалось, что он сейчас заключит его в объятия. Протянув руку, он разжал пальцы капитана, сжимавшие предплечье юноши.

— Остынь, Бин, — сказал он, ухмыляясь еще шире. — Знаешь, кто это?

Бин лишь тупо и непонимающе помотал головой.

— Это тот самый чертов дурень, который раскрыл убийство Сесили Тейн[^1], и мы немедленно пристроим его к делу!

[^1]: Тех, кого заинтересуют прежние подвиги Спайка Трейси, мы отсылаем к истории его первого расследования в книге «Убийство Сесили Тейн».

Глава V
Третий танец

Филип Трейси, более известный любителям сладкой жизни по обе стороны Атлантики под именем Спайк, прожил свои двадцать шесть лет весело и бурно, чему немало способствовал неиссякаемый поток долларов из отцовского состояния.

Трейси-старший был господином суровым и обладал поразительным чутьем: он безошибочно угадывал, когда следует скупать железные дороги, а когда — сбывать их с рук. В итоге он нажил баснословное богатство. Однако в семейных делах преуспел куда меньше. Жена подарила ему первенца, которого покорно нарекла Р. Монтгомери Трейси-младшим; со временем тот вырос в окружного прокурора Нью-Йорка, став точной копией отца по вкусам и темпераменту.

Пятнадцать лет спустя она родила второго сына и назвала его Филипом — в честь возлюбленного своей давно забытой юности. Когда мальчику исполнился год, миссис Трейси наотрез отказалась и дальше чахнуть под суровым пуританским гнетом мужа. Она без лишних слов подхватила младшего ребенка и укатила в Европу, где вскоре влилась в ту беспечную, очаровательную публику, что порхает из Санкт-Морица на Ривьеру, оттуда в Париж, лишь изредка заглядывая в Лондон или Берлин.

Филип вырос прелестным гибридом — полуамериканцем-полуевропейцем, являя собой приятнейшую смесь Пикадилли и Бродвея, Оксфорда и Йеля. Свое время он делил между учебой во Франции и Англии и поездками в Америку, к отцу и старшему брату.

Он не стал осложнять свое существование такой унылой материей, как профессия. Колледж оказался приятной передышкой между отрочеством и зрелостью — чередой провалов на лекциях и триумфов на спортивных полях и танцевальных вечерах. Неспособность получить диплом принесла лишь радостное чувство освобождения: впереди ждал большой мир, созданный специально для повес, — Париж, Нью-Йорк, Вена. Он вел жизнь совершенно бесполезную и бесконечно забавную.

Впрочем, такой портрет нельзя было бы назвать вполне точным. Когда того требовали обстоятельства, Спайк проявлял проницательность, казалось бы, вовсе не свойственную его очевидной натуре. За маской балагура скрывался цепкий и быстрый ум, что порой немало озадачивало тех, кому случалось застать его врасплох в редкие минуты проявления этого дара.

И по крайней мере однажды он полностью оправдал свое появление на свет: спас невиновного от электрического стула и указал растерянным властям округа Нью-Йорк, возглавляемым его лишенным всякого воображения братцем, на истинного убийцу Сесили Тейн, жены богатого торговца драгоценностями.

В прошлом году это дело не сходило с газетных полос, и хотя официально блестящее раскрытие преступления приписали инспектору Хершману и окружному прокурору Трейси, все прекрасно знали — пусть и не признавали публично, — что главным мозговым центром следствия был именно младший брат прокурора.

Поэтому неудивительно, что отношение Джозефа К. Фокскрофта к скандальному вторжению римского гладиатора в расследование убийства Стивена Кестера столь внезапно переменилось. Однако капитан Бин не мог так сразу узреть в нахальном пришельце переодетого ангела-спасителя.

— Это уж точно, чертов дурак, — буркнул он в ответ на слова Фокскрофта, раскрывшего личность гостя, но присутствующие так и не поняли, кого именно он имел в виду: окружного прокурора или гладиатора.

Спайк отнес комплимент на свой счет.

— Святая правда, капитан, но, как я частенько говаривал своему братцу, устами младенцев, сосунков и чертовых дураков нередко глаголет истина. А теперь, когда мы поняли друг друга, давайте продолжим расследование. — Он взял предложенную Фокскрофтом сигарету, прикурил и с комфортом растянулся на полу. — На чем мы остановились? Ах да, капитан только что решил, будто мисс Винтон и ее кавалер — сбежавшие убийцы. Я не ошибаюсь, капитан?

— Ну, выглядит это весьма подозрительно.

— В том-то и загвоздка! Разве вы не понимаете, капитан, что в любом порядочном убийстве тот, кто на первый взгляд кажется виновным, на самом деле — лишь несчастная жертва обстоятельств, пешка в неумолимой игре жизни, щепка, гонимая волнами… В общем, если вы читали много детективов, то уловите суть.

— А суть в том, — с нескрываемым презрением напомнил капитан, — что это вам не детективный роман. Это хладнокровное убийство. И если вы не возражаете… — капитан сделал паузу, за которой явственно читалось: «Если вы заткнете свою чертову глотку», — …если вы не возражаете, я бы хотел продолжить работу.

Он метнул свирепый взгляд на Спайка, а затем перевел глаза на Фокскрофта.

— Ладно, продолжайте, Бин, — сказал окружной прокурор, — но, с вашего позволения, пусть этот молодой человек поприсутствует в качестве, так сказать, неофициального наблюдателя.

Бин недовольно крякнул:

— Ну ладно, только давайте… — Тут он наклонился к самому уху Фокскрофта и вполголоса проворчал: — Но откуда, черт побери, нам знать, что он сам и не есть убийца?

— Совершенно верно, капитан, в самую точку!

Капитан испепелил его взглядом, но Спайк невозмутимо продолжал:

— Уж простите, что я снова подслушиваю. Впрочем, подозревать меня вполне разумно. Я личность в высшей степени порочная, с чудовищным уголовным прошлым. Я сидел в каталажке раз семь или восемь.

— В каталажке?

— Хотя нет, если подумать — девять.

— За что?

— Пять раз — за нарушение общественного порядка в нетрезвом виде, три раза — за то, что съездил по физиономии полисмену (уж и не припомню, из-за чего мы с ними не сошлись во мнениях), и один раз — за флирт в автобусе с прелестной крошкой, которая на поверку оказалась женщиной-полицейским, высматривавшей уличных ловеласов. Досаднейшее недоразумение!

— Ну, если вы не выложите мне железное алиби, дело обернется для вас куда хуже, чем просто досадой, — пригрозил капитан, метнув в его сторону грозный взгляд. — А теперь вернемся к…

— Еще одну секундочку, — перебил Спайк. — Последний протест, прежде чем я окончательно уйду в тень. Мне просто невыносимо думать, капитан, как вы будете блуждать в потемках, находясь во власти заблуждений. Если хотите знать мое мнение, мисс Винтон и мистер Миллард вовсе не сбежавшие убийцы. Они кое-кто похуже…

— То есть как? — Бин, стараясь сохранить негодующий вид, попытался скрыть любопытство. — Что значит «хуже, чем убийцы»?

— Они милуются по углам! — Ухмылка сползла с лица Спайка, а губы скривились в кислой гримасе активиста Общества по борьбе с пороком, охваченного праведным гневом. — Право же, капитан, нынешняя молодежь — это нечто ужасное. Вот в мое время…

Но это было уже чересчур даже для Фокскрофта. Он строго посмотрел на Спайка:

— Если вам действительно есть что добавить по существу дела, мистер Трейси, мы с радостью вас выслушаем. В противном случае, полагаю, лучше не мешать капитану Бину.

— О, у меня есть кое-что весьма ценное, но я вижу, вы не способны по достоинству оценить мою неподражаемую манеру изложения. Ну что ж… — Спайк сокрушенно вздохнул, сетуя на черную неблагодарность мира. — Я клоню к тому, что сильно подозреваю мисс Винтон и мистера Милларда во взаимной влюбленности. По моим личным подсчетам, за последние семь дней я заставал их врасплох четырнадцать раз: семь раз в объятиях друг друга и семь раз — грызущимися как кошка с собакой. Согласитесь, с точки зрения статистики любовь доказана.

— Вы хотите сказать, они помолвлены?

— Тайно. Понимаете ли, никого из нас в известность не поставили, но кое-какие подозрения у нас имеются. — Внезапно Спайк приподнялся с пола, осененный догадкой. — А может статься, капитан, они задумали тайный побег к алтарю, но им самым бестактным образом помешало убийство дедушки мисс Винтон?

— Послушайте, а ведь это мысль! — с горячим одобрением воскликнул Джеффри. Пожалуй, даже со слишком горячим. — Вот так штука! Держу пари, именно это они и замышляли, паршивцы этакие! Надо же было додуматься…

— Давайте вернемся к фактам, — оборвал его Бин. — Когда кто-либо из вас в последний раз видел Стивена Кестера живым? Начнем с вас, — и он указал на Притчарда.

— Точное время назвать затрудняюсь, но это было вскоре после того, как внизу заиграла музыка для танцев. Мистер Кестер никак не мог облачиться в свой костюм и позвал меня на помощь — нужно было надеть большую ослиную голову.

— И больше вы его не видели?

— Нет, в последний раз я видел его живым, когда он спускался по лестнице. Я был так занят хлопотами вокруг приема, что мне некогда было переодеться самому, и сразу после того, как я помог мистеру Кестеру, я пошел в свою комнату надевать костюм. Мы условились, что маски будут сняты в конце третьего танца. Должно быть, я спустился вниз как раз во время третьего танца, потому что маски сняли почти сразу после моего появления.

— Вы сказали «мы условились». Кто это «мы»?

— Ну, по правде говоря, не совсем «мы». Это… — Притчард замялся, не желая продолжать, но капитан поторопил его. — Вскоре после того, как приехали музыканты, мисс Винтон попросила меня передать руководителю оркестра, чтобы в конце третьего танца он велел громыхнуть в барабан, встал и крикнул: «Маски долой!»

— И вы исполнили ее просьбу?

— Да.

— А что скажете вы? — Капитан повернулся к Леноксу.

— Я видел мистера Кестера внизу во время танцев.

— Он танцевал?

— Нет, просто прохаживался среди гостей.

— В котором часу это было?

— Точно не припомню. Я присматривал, чтобы все шло как надо, и на часы не смотрел, но, кажется, в самом начале вечера.

— Ну а вы? — с явной неохотой обратился он к Спайку.

— Увы, капитан, не помню ровным счетом ничего.

— Вот как? — Бин смерил его подозрительным взглядом.

— Абсолютно ничего — все это время был практически в беспамятстве.

— Напились? — брезгливо бросил Бин.

Спайк кивнул, но тут же протестующе вскинул руку:

— Только не подумайте дурного. Спиртное тут ни при чем. Весь вечер, почти до того самого мига, как сняли маски, я был пьян — просто-таки опьянен — самой очаровательной фарфоровой пастушкой, какую вы только можете себе представить. Понятия не имею, кто она такая, но она была до того восхитительна, что я совершенно перестал замечать все вокруг. А в начале третьего танца ее перехватил какой-то треклятый французский маркиз, черт бы его…

— Довольно, довольно, — оборвал его Бин и повернулся к Джеффри. — А вы?

Джеффри сосредоточенно помолчал, собираясь с мыслями, и затем вслух подытожил то, что удалось припомнить:

— Во время первых двух танцев я несколько раз замечал мистера Кестера среди гостей. В начале третьего танца я стоял у самого подножия лестницы, высматривая подходящую партнершу, и отчетливо помню, как он прошел мимо меня — и стал подниматься наверх.

— И это был последний раз, когда вы видели его живым? В начале третьего танца, когда он поднимался наверх?

— Да.

— И сколько прошло времени с того момента, как в конце третьего танца сняли маски, до обнаружения тела?

— Минуты три, пожалуй. Уж точно не больше пяти.

— Стало быть, его убили во время третьего танца?

Джеффри кивнул:

— Похоже на то.

— Раз так…

Не договорив, капитан поднялся и направился к двери. Но прежде чем он успел до нее дойти, ее открыл один из полицейских штата.

— Мы нашли обрыв телефонного провода, — доложил он. — Прямо под окном Кестера, у самой земли, в кустах. Один из наших ребят маленько смыслит в электрике, он все починил.

— Отлично! — воскликнул Бин. — Позвоню-ка я в управление и узнаю, выехал ли док Киннэрд.

Он спустился в нижний холл, снял трубку телефона во французском стиле, стоявшего на маленьком столике у лестницы, и выждал. Затем нетерпеливо подергал горизонтальный металлический рычаг соединения. Глухой, безжизненный звук — ни единого живого щелчка.

— Передайте своему напарнику, — сказал он спустившемуся следом полицейскому, — что как электрик он все-таки чертовски хороший полисмен.

Глава VI
Дженнифер в трудном положении

Выяснить, кто из находящихся в Лонг-Хиллз где был во время третьего танца, оказалось делом долгим, трудным и запутанным. Бин первым делом взялся за гостей — ту самую измученную, все еще охваченную ужасом толпу, что дожидалась этажом ниже. Чтобы ускорить процесс, он перенес свой временный штаб из пустующей спальни в библиотеку Стивена Кестера, примыкавшую к главному вестибюлю первого этажа. Ленокс и Притчард по его требованию остались в своих комнатах, а Джеффри он отослал обратно к остальным гостям. С собой он взял только Фокскрофта, Хеппнера — и Спайка. Впрочем, последнего он допустил с плохо скрываемым отвращением и, не прояви окружной прокурор настойчивости, несомненно, заартачился бы.

У оркестра из шестерых темнокожих музыкантов алиби было самое очевидное. Записав имя и адрес каждого, Бин отпустил их по домам. Затем он переключился на гостей, приехавших только на вечер. Слуг и тех, кто гостил в доме, он оставил напоследок.

Допросы и проверки были в самом разгаре, когда в библиотеке снова появился руководитель оркестра в сопровождении Чанса, которого ранее послали осмотреть машины.

— Мы тут наткнулись на еще одну странность, — доложил Чанс. — Вы ведь знаете, что под приборными щитками у всех машин перерезаны провода зажигания?

Бин кивнул, и Чанс продолжил:

— Так вот, когда этот парень, — он указал на руководителя оркестра, — только что попытался завести свой автомобиль, мотор не схватил. Один из полицейских уже починил ему провод зажигания, так что дело было не в этом. Тогда я поднял капот, заглянул внутрь и увидел, что провод, идущий к прерывателю-распределителю, тоже перерезан. Мы проверили остальные машины — та же история у каждой.

— У всех до единой? — недоверчиво переспросил Бин.

— У всех, кроме одной — ярко-зеленого родстера с черными колесами. Я выяснил, что он принадлежит мисс Винтон.

— Странно, — пробормотал Бин. — Провода зажигания перерезаны у всех машин. А провода распределителя — у всех, кроме машины мисс Винтон.

— И это еще не все, — продолжал Чанс. — Мы нашли второе место, где перерезали телефонный провод — в распределительной коробке прямо в доме. Думаю, если вы попробуете позвонить сейчас, связь будет в порядке.

Бин снова потянулся к телефону, и на этот раз в трубке раздалось легкое потрескивание, означавшее, что линия работает. Через минуту он уже дозвонился в свой участок и справлялся о Киннэрде. Оказалось, судебный медик выехал полчаса назад и должен был прибыть в Лонг-Хиллз с минуты на минуту.

Капитан повесил трубку и, отпустив Чанса, озадаченно нахмурился.

— Странное дело, — произнес он. — Если этот тип хотел оттянуть прибытие помощи и вывел из строя телефон и машины, то какого черта было так стараться? Зачем делать всё дважды, когда хватило бы и одного раза? И почему при втором заходе он пропустил одну машину?

— Быть может, — раздался бодрый голос, от которого Бин слегка поморщился, — быть может, капитан, этот человек… и заметьте, я сказал «человек». В отличие от вас, я не спешу делать выводы относительно его пола. Так вот, быть может, у этого человека оказалась в запасе уйма лишнего времени, которое нужно было как-то убить, и он — или она — потратил его на то, чтобы уж наверняка отрезать нас от внешнего мира.

— Но почему тогда он не перерезал провод распределителя у зеленой машины?

Спайк в недоумении пожал плечами, а Бин метнул на Фокскрофта презрительный взгляд, словно говоря: «Ну и где теперь твой хваленый сыщик?»

Вслух же он обратился к Чансу:

— Ладно, почините машину оркестрантов и отпустите их. Нечего больше держать их здесь. Только сперва убедитесь, что Пиви отснял все отпечатки пальцев, какие хотел.

Чанс кивнул и вышел, сопровождаемый руководителем оркестра, а Бин вернулся к утомительному опросу гостей. Прошел добрый час, прежде чем он наконец окончательно убедился, что никто из приглашенных только на этот вечер не замешан в жутком деле, произошедшем в спальне Стивена Кестера во время третьего танца.

— Но никого отсюда не выпускать, — предупредил Бин дежурившего у дверей патрульного, поворачиваясь, чтобы снова подняться наверх. — Они еще могут мне понадобиться, чтобы проверить показания остальных.

Вернувшись в пустую спальню, он первым делом велел позвать прислугу. Помимо Ленокса и Доры, в доме работали две горничные, Дженни и Энни, кухарка Клара, садовник Рори Мейо и шофер-француз Жозеф.

Проверить, где они находились, оказалось сравнительно просто. Все они, за исключением Ленокса и Доры, весь вечер провели в задней части дома, пока Хеппнер не отправил их по своим комнатам. Жозеф и Рори Мейо хоть и не входили в число домашней прислуги, еще в начале вечера прибились к кухне, привлеченные предпраздничной суетой, и провели там почти все время, то помогая, то мешая кухарке и двум горничным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.